

С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвящённой –
Ещё печальней что-нибудь получится в итоге... (3, 193–194)

Звучит парадоксом поздравление Управляющему «дальним краем»:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья <...>
Не довёл до разоренья,
Нищих крова не лишил! (3, 189).

Этим социально-экономическим принципам соответствует и «старый порядок», о котором вспоминают с сожалением герои залы № 6:

Нет! лучше был порядок старый!
<...>
Что только палка бьёт пороки!
<...>
Где страх начальства, там и честь (3, 193).

Таким образом, сценки части первой выражают авторскую мысль о том, что абсурдно-гениальная бесчеловечность свершений Героев части второй превратилась в существенную черту Времени.

Итак, в поэме Некрасова «Современники» раскрыты определённые историософские проблемы: осмыслены характерные черты формирования и развития русской плутократии.

Литература

1. *Краснов Г.В.* Последние песни Некрасова. – М., 1981.
2. *Краснов Г.В.* Сюжеты русской классической литературы. – Коломна, 2001.
3. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 4. – Л., 1982.

Г.В. Федянова

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

ПОЭМА Н.А. НЕКРАСОВА «САША»: К ПРОБЛЕМЕ МЕТАСЮЖЕТА

Проблема читателя была и остаётся одной из самых сложных при изучении литературного процесса. Это замыкающее звено обычно сохраняет неопределённость. Когда мы обращаемся к произведениям XIX в., то сталкиваемся со своеобразной сложностью реконструкции портрета читателя: и из-за временного интервала, и из-за смены культурных пластов, даже если речь идёт об одной национальной культуре, а язык произведения соответствует современному живому литературному языку. Если сохраняются письменные источники, то этот портрет приобретает достоверность.

Восхищение А.Н. Майкова поэмой Некрасова «Саша» даёт нам представление о читателе конца 1855 года. Познакомившись ещё до публикации, Майков увидел в ней «лучшую... вещь» Некрасова «и во всей современной поэзии» (4, 101–102). Л.Н. Толстой благодарил Некрасова за «Сашу» (7, 75).

Но если Майков оценивает эстетический аспект, особо выделяя сцены рубки леса, деревенского приволья, юности Саши, то Толстой отмечает этическое начало. Лирический герой поэмы признаётся:

Злобою сердце питаться устало,
Много в ней правды, да радости мало (5; 4,10).

Сброшенное бремя озлобленности помогает лирическому герою увидеть родной мир среднерусской природы иным – праздничным, преображённым: «убогая нива» становится «пышна и красива». Но и Майков, и Толстой – читатели особые, представляющие интеллектуальную элиту русского общества. К тому же ответное письмо Некрасова Толстому содержит элемент полемики. Немалая доля сарказма, сопутствующая речи отца Саши, воссоздающего образ Агарина при встрече с лирическим героем, ближе гоголевской традиции. Некрасов адресовал своё произведение читателю, которого он хорошо знал. Не случайно одновременно с работой над поэмой появляется новогоднее стихотворение «Пробил час!..», где даётся портрет современника:

Что голов, убелённых заботой,
Сколько лиц, омрачённых тоской!
Благородным проникнуты гневом,
Пусть бы старцы глядели серьёзно...
Но пристало ли юношам, девам
Сокрушаться и хмуриться грозно?..
Слышу всюду один я вопрос
«Новый год! что ты миру принёс?..» (5; 1, 137).

Концовка этого стихотворения соответствует новым духовным ориентирам самого тяжёлого периода Крымской войны:

Но навек благородно и ново,
Никому надоест не успело
Вдохновенное светлое слово
И великое честное дело... (5; 1, 137).

Многоликость читателя военного времени не исключала единомыслия. Каждый из главных героев представлял доминанту читательского восприятия различных общественных кругов. Эта разнонаправленность интересов не противоречила главному, объединяющему первых читателей «Саши» – историческому времени. Крымская война – явление более сложное, чем военный конфликт с Турцией и Западной Европой, представленной, главным образом, в этой кампании Англией и Францией. Крымская война – время, сформировавшее новый уровень национального сознания России и мировосприятия в целом. Публикация произведения, задержанная цензурой до января 1856 г. («Современник», № 1), относится к ещё не завершённом военному периоду. Одновременно с мирными переговорами продолжалось формирование военных частей, ополчение направлялось на юг, а в армии сильны были настроения: «иль мир почётный, иль война» (Д. Ознобишин).

«Родная глушь» – место действия поэмы – не затронута вражеским вторжением. Но с первых же строк через образ птицы ощущается тяжесть войны, переживаемой всей Россией, обостряется чувство утраты:

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой (5; 4, 10).

Первый стих – образ утраты, невосполнимой для матери. Рифмующийся с ним второй стих представляет читателю мироощущение лирического «Я». Формально первый стих несёт атрибутивную функцию. Он соответствует звуковой ассоциации. Но его эмоционально-психологическое содержание доминирует, напоминая, что горе и страдание – неизбежные спутники войн. Образ Кулика играет роль фактора, способного передать и усилить драматизм восприятия русского пейзажа: «Не весела ты, родная картина!» Это и не война, и не мир. Орнитологический образ здесь, не порывая со своим архетипическим началом, важен как элемент символизации. За мимолётной пейзажной сценой – вся скорбящая Россия.

Основанные на сравнении первые стихи обнаруживают словесные дихотомии, свойственные образам поэмы. Стон Кулика, вызвавший трагическую ассоциацию со скорбью матери,

отзывается в переживаниях лирического героя, коррелируется с драматизмом личной судьбы человека («Жизнью измят я, и скоро я сгину») и с драматизмом творческих исканий («И про убитую музу мою // Я похоронную песню пою»). Феномен военизации сознания отчётливо проявляется в символическом пласте рубки леса.

Читатель, которому были адресованы эти стихи, как и лирический «Я», пережил свою внутреннюю драму: как относиться к тем, кто стоял во главе государства, армии и, несмотря на патриотический энтузиазм всей страны, не смог повернуть события в благоприятную для России сторону? Лирический герой сделал свой выбор:

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою своей (5; 4, 10).

В подтексте здесь и обращение к читателю – простить. К окончанию войны современники неоднозначно оценивали ситуацию. Это относилось не только к военному поражению, но и к внутренним проблемам России. Некрасов через позицию лирического «Я» не просто говорит о всепрощении, но и призывает к делу, что соответствовало мотиву возрождения России у многих поэтов. Достоевский в 1856 г. в стихотворении «На коронацию и заключение мира» писал: «Грозой очистилась держава, // Бедой скрепились сердца...» (3, 409). П.И. Григорьев в феврале 1856 г. в послании «К В.А. Кокореву...» отстаивает идею общего труда на пользу и славу России: «Назад, враги добра! Теперь вам взятки гладки! // Вперёд, на вид, все те, кто честен и умён!» (2). Бенедиктов в «Стансах. По случаю мира» (Сын отечества), 1856, № 6) призывает: «Не время спать... // Всем будет дело. Превозмочь // Должны мы лень, средь дел бумажных // Возросшую. Хищенье – прочь!» Я.П. Полонский в стихотворении «На корабле» (1856) предупреждает: «Ещё вчерашняя гроза не удалась» – и надеется: «Мы мачты укрепим, мы паруса подтянем» (6, 193). У самого Некрасова: «О не склоняй победной головы в отчаяньи, достойный сын отчизны...» (5; 1, 174).

В ряду этих произведений, посвящённых деятельному служению России сегодняшнего дня, поэма Некрасова, возможно, лучшее произведение.

Не случайно обращение к поэме как авторитетному аргументу в фельетоне-рецензии полковника П.С. Лебедева в «Русском инвалиде» № 121 за 1856 год (это уже 2 июня, почти 3 месяца мира). Фельетонист помогает уловить новые черты в условном портрете читателя, которого он ориентирует на переход к мирным настроениям. Журналисту импонирует «близкое знакомство с родиною, изучение её быта, совершенное знание её обычаев» у поэта.

Агарина журналист воспринимает как «лицо уже давно знакомое», но «пора этих героев миновала». Можно не согласиться с мнением этого доброжелательного рецензента относительно образа Агарина. Именно Агарин динамизирует сюжет поэмы. В образах всех героев заложена многозначность. Нет резкой границы добра и зла. «В добрую почву упало зерно», – это о душевной красоте Саши. Но это одновременно и признание положительной стороны личности Агарина: он – сеятель.

Кроме того, композиционное мастерство Некрасова именно главных героев – Сашу и Агарина – помещает на третий план: на авансцене переживания и воспоминания лирического героя. Затем на первый план выступает встреча с отцом. И только как отражённый свет недавнего прошлого через рассказ отца появляется Агарин. Образ несколько утрированный, несколько окарикатуренный. Таков Агарин, отступивший перед душевной красотой Саши. Приём «обратной перспективы» как бы укрупняет, предельно приближает Сашу и Агарина к читателю. Саша и Агарин дней их счастья, их взаимопонимания, когда «словно брала их чужая кручина», и дней их разрыва – образы такого масштаба, что оттесняют на задний план и лирического героя, и рассказчика-отца.

Мы сталкиваемся с интересным художественным приёмом: главные герои не могут выйти за рамки, созданные рассказом Отца. Они не могут избежать оценки, которую даёт им этот

персонаж. Именно отец Саши самый деятельный из героев. Читатель вынужден искать истину, вникая в его речь. Не случайно образ Матери почти безгласен: он подчёркивает семейный диктат Отца. Только в сценах детских забав Саши родители кричат в унисон: «... что, попалась, голубка!». Самостоятельность речи Матери только однажды проявляется в диалоге с Отцом о замужестве дочери, где, привлекая природную символику, с крестьянской простотой помещик говорит жене: «Э! да никак колосистую рожь// Переросла наша дочка». Голос матери: «Так что ж!» Вывод Отца: «Спелому колосу – серп удалой. // Девице взрослой – жених молодой». Мать отвечает: «Вот ещё выдумал старый проказник!»(5; 4, 15)

В основе конфликта, разъединившего героев, лежит идеологема: добрые дела Саши и противостоящее им разочарование в своей просветительской деятельности Агарина. Это и придавало злободневность поэме.

Художественные достоинства поэмы во многом связаны с образами природы, красоты и, конечно же, любви. Агарин, при всей загадочности возможных прототипов, включая небезосновательную версию Б.Я. Бухштаба, – любимый персонаж автора. Образ пережившего крушение своих идеалов «барина-соседа», высокомерно отвергающего «муравьиную работу людей» помощи ближнему, потребовал филигранной отделки, внимания к каждой детали, к каждому оттенку слова, пересмотра сюжетной канвы, в частности, исключения образа жениха с многозначным в библейском подтексте именем Лазарь Данилыч. Конечно, отсутствие образа жениха обострило духовное противостояние героев и, возможно, сохранило для Агарина надежду на воскрешение. В первых набросках героиня носит имя Ули. Но эта русская Джульетта (Ульяна, Юлия) быстро уступает место Саше (Александра – символ стойкости, мужества). Саша – «былинка степная» превращается в героиню через скромные дела, которые можно рассматривать как подвиг милосердия и доброты: «Бедные все ей приятели-друзи: // Кормит, ласкает и лечит недуги». В отличие от образа героини сосед-барин из наиболее ранних набросков не скоро обретает имя. «Богатый жених» первой черновой редакции, «Новый помещик», «Барин-владелец» во второй черновой редакции становится «Проклятым соседом» в оценке старика отца, хотя одновременно он – «Славный жених». В последующих набросках он уже Горин, который «накуролесил», приехав в «тёмную глушь». Поэт отказывается от лёгкой напрашивающейся рифмы: «Гарин / барин». Для него важно, что сосед – Горин, что он способен проникнуться чужим горем, что «он по природе умён, благороден». Но одновременно зарождается двойственность образа: «Только ленив, и на дело негоден».

В третьем варианте герой обретает имя: Павел Игнатьевич Самарин. Одновременно рассматриваются варианты: Захар Алексеич Чужбинин, Степан Алексеич Чужбинин. В варианте корректуры – Лев Алексеич, он же Аларин. Этот образ предельно сближен с окончательным вариантом: «Дела себе исполинского ищет».

Из атрибутов образа Агарина в окончательном тексте сохранился только главный символ – Орёл, «пророчивший» особую «великую долю» и уступивший в ироническом резюме лирического героя неллицеприятной оценке:

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орёл! (5; 4, 26).

И всё же Некрасов даёт возможность для создания метасюжета. Читатель предложенную ситуацию волей своего воображения может вывести за рамки монолога отца, взглянуть на героя иначе. Агарин в поэме судим, судим жестоким судом мужчин. Отец судит его за разбитое сердце дочери, лирический герой судит за бездействие в дни, когда «родная нива» «убога».

Но позитивная эволюция образа Агарина возможна. Это заложено в композиционных особенностях поэмы. Во-первых, финал можно считать открытым. Во-вторых, читатель не услышал голоса самой героини, имя которой дало заглавие поэме. Саша предстаёт или в воспоминаниях лирического героя, или в рассказах отца. Но ведь она: «А как уехал, так больше

тоскует, // Письма его потихоньку целует». Поэт дарит читателю открытость финала, как бы активизируя читательское воображение, как бы приглашая к соучастию в сюжетосложении. Да, Саша отказала Агарину. Да, Агарин, возможно, не Орёл. Но Саша – Голубка с добрым сердцем. И в её смятении угадывается глубокое чувство. И если её дело – помощь ближнему, то помощь в обретении душевного равновесия дорогому для неё человеку вполне возможный финал, но уже не в поэме, а в читательском воображении.

В поэме же важен мотив преемственности: «В добрую почву упало зерно». Независимо от читательских фантазий: не объединит ли молодых героев любовь? – Саша в духовном отношении преемница гуманных идей, воспринятых от Агарина.

Литература

1. *Бухитаб Б.Я.* Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша» // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. – 1971. – Т. XXX. – Вып.5. – С. 440–452.
2. Григорьев П.И. // Русский инвалид. – 1856. – №65.
3. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – Т. 2. – Л., 1972.
4. *Мельгунов Б.В.* К творческой истории поэмы Некрасова «Саша» (Страничка из дневника Аполлона Майкова) // Русская литература. – 1977. – №3. – С. 101–102.
5. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. – Т.4. – Л., 1982.
6. *Полонский Я.П.* Стихотворения. – М., 1981.
7. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 90 т. – Т. 60. – М., 1949. – С. 75.

А.А. Федотова

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

БИБЛЕЙСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ОЧЕРКЕ Н.С. ЛЕСКОВА «ИРОДОВА РАБОТА»

Очерк Н.С. Лескова «Иродова работа. Русские картины в Остзейском крае» (1882) (1) входит в цикл историко-публицистических статей писателя, посвященных прибалтийскому вопросу. В нем Лесков вступает в полемику с редактором газеты «Современные известия» Н.П. Гиляровым-Платоновым о личности Рижского генерал-губернатора А.А. Суворова и обращается к созданной им в 1863 году служебной записке «О раскольниках г. Риги» (2). Рассматривая очерк Лескова «Иродова работа» и служебную записку, определим своеобразие актуализации писателем библейского текста.

Композиция записки Лескова «О раскольниках г. Риги» строга и логична. Первая часть текста представляет собой историческую справку о раскольничьих школах, во вторую часть писатель включает собственные предложения по улучшению уровня образованности раскольничьих детей. В очерке «Иродова работа» востребованной оказывается исключительно первая часть записки. Лесков приступает к делу «с документами в руках» (1, 92), описывая борьбу генерал-губернатора Суворова с беспризорными раскольниками, которые оказались на улице после закрытия раскольничьей школы. При характеристике предпринятых мер против малолетних «карманщиков», главной из которых явилась сдача детей раскольников в военные кантонины, Лесков использует образ «иродовой работы». Источником аллюзии является фрагмент из второй главы Евангелия от Матфея: «Тогда Ирод <...> послал избить всех младенцев в Вифлееме <...> глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (гл. 2:16,17).

Текстом-посредником при цитировании выступает служебная записка писателя. В работе «О раскольниках г. Риги» Лесков привлекает евангельский текст, доказывая необходимость разрешения деятельности школ и утверждая, что «при открыто существующих школах <...>